

настоящій документъ будетъ измѣненъ. Второй, т. е. интеллектуальный подлогъ существуетъ тогда, когда актъ, по отношенію къ его формѣ, составленъ правильно, но его содержание ложно относительно существенныхъ обстоятельствъ, напр., А, выдавая себя за С, владѣльца дома, заявляетъ въ нотаріальномъ актѣ, что онъ долженъ извѣстную сумму В. Оба эти вида подлога предусмотрѣны ул. о нак. по образцу 145 ст. француз. код. *Buonfanti* (*Manuale di diritto penale*, 48) ошибочно полагаетъ, что различіе между этими двумя видами подлога только мнимое, и что такъ называемый интеллектуальный подлогъ въ сущности составляетъ матеріальный подлогъ. *Ortloff* (*Lüge, Fälschung, Betrug*, II, 288 — 293) полагаетъ, что понятіе интеллектуальнаго подлога, которое перешло въ германскія законодательства и науку, составляетъ незрѣлый плодъ французскаго кодекса, и что такой подлогъ можетъ быть совершенъ только чиновникомъ и составлять, смотря по обстоятельствамъ, преступленіе должности или мошенничество. Однако уже только что приведенный примѣръ служить доказательствомъ, что интеллектуальный подлогъ можетъ имѣть такое же значеніе, какъ и матеріальный. Не касаясь подлога, совершеннаго должностнымъ лицомъ, о чемъ скажемъ ниже (§ 408 и слѣд. ниже), мы нынѣ обратимъ вниманіе на интеллектуальный подлогъ, совершенный частнымъ лицомъ. Очевидно, что такой подлогъ можетъ быть совершенъ только въ официальномъ актѣ, въ которомъ чиновникъ, — дѣйствующій добросовѣстно или съ преступнымъ намѣреніемъ, — своимъ официальнымъ характеромъ придаетъ довѣренность ложному содержанию акта. Отсутствие уголовнаго запрета относительно такихъ дѣйствій составляло бы существенный пробѣлъ въ законодательствѣ, какъ это справедливо замѣчаетъ *Меркель* (*Holzendorff's Handbuch*, 1872, III, 804) потому, что такіа дѣйствія не подходили бы прямо ни подъ понятіе мошенниче-